

- SIROTININA, O. B.: Russkij jazyk v raznyh tipach rečovyh kultur. In: RUSSKIJ JAZYK Segodnja, I. Red. L. P. Krysin. Moskva, „Azbukovnik“, 2000, s. 240–248.
- Słownik stereotypow i symbolów ludowych. I. Lublin, Kosmos, 1996.
- STEPANOV, Ju. S.: Konstanty. Slovar ruskoj kultury. Opyt issledovanija. Moskva, 1997.
- TOLSTOJ, N. I.: Jazyk i kultura (nekotoryje problemy slavjanskoj etimologičeskoj i lingwističeskoj nauki). Russkij jazyk i sovremennost': problemy i perspektivy razvitija rusistiki. Moskva, 1991, čast' I.
- TRUBECKOJ, N. S.: Istorija. Kultura. Poznanije. Moskva, Progress 1995.
- USPENSKIJ, B. A.: Semiotika kultury. Moskva, 1995.
- VEŽBICKAJA, A. A.: Jazyk. Kultura. Poznanije. Moskva, „Russkije slovari“, 1996.
- VEŽBICKAJA, A. A.: Ponimanie kultur čerez posredstvo kľjučevykh slov. Semantičeskie universalii i opisanije jazykov. Moskva, 1999.
- ZEMSKAJA, L. A. – KITAJGORODSKAJA, M. V. – ROZANOVA, N. N.: Osobennosti mužskoj i ženskoj reči. Russkij jazyk v jeho funkcionirovanii: Kommunikativno-pragmatičeskij aspekt. Moskva, 1993.

Русский язык в современном Узбекистане и его перспективы

Во времена Советского Союза его территория в нашем обществе воспринималась как компактное поле безраздельного господства русского языка. После распада СССР и первого десятилетия независимости бывших союзных республик положение русского языка в государствах с титульными неславянскими нациями существенно изменилось. В частности, мы располагаем чрезвычайно скудной информацией из среднеазиатского региона, где половину населения составляют граждане Республики Узбекистан, которых на сегодняшний день насчитывается более чем 24,5 миллиона.

Действующая конституция Республики Узбекистан однозначно определяет государственным языком узбекский, но, одновременно, признаёт за национальными меньшинствами право общения на родном языке. Русский язык перестал играть роль безраздельно господствующего средства коммуникации и его теперешний статус нелегко определить однозначно. По закону, русский язык является одним из языков национальных меньшинств Узбекистана, но, по понятным причинам, его невозможно приравнять к другим языкам. Число русских в Узбекистане (точнее людей «русской культуры», куда можно включить кроме этнических русских также представителей других славянских национальностей бывшего Союза и полиэтнические смешанные семьи, принявшие русский язык и культуру как свою) за последние десять лет значительно снизилось. По переписи населения 1989 года в двадцатимиллионной УзССР проживало 9,2 % славян, из них большинство – 8,3 % – составляли русские. В начале 2000 г. в Узбекистане с его насе-

лением в 24,5 миллионов жителей славяне уже составляли лишь 4,9 %, и, можно предположить, что процесс количественной маргинализации этого меньшинства будет продолжаться, так как многие некоренные жители желают вернуться на этническую родину и вся диаспора стареет. Русское меньшинство сосредоточивается, в основном, в столице Ташкенте и прилегающей Ташкентской области. В самой столице русские составляют более четверти населения. При этом в регионах, за пределами упомянутой Ташкентской области, остаётся незначительное количество носителей русского языка.

В связи с уменьшением числа этнических русских (а также представителей других национальностей, желающих получить образование на русском языке) сокращается и число общеобразовательных школ с русским языком обучения. В 2000 г. на русском языке получало образование 334 тысячи учеников, что из общереспубликанского количества 5764 тысячи учеников составляет лишь 5,8 %. Но, наряду с этим, чем выше степень образования, тем больше желающих получить его на русском – в 2000 г. в русскоязычных средних специальных учебных заведениях Узбекистана обучалось почти 25 тысяч человек, что составляет 9,3 % от общей численности. В том же 2000 г. на кафедрах с русским языком обучения высших учебных заведений училось более 33 тысяч студентов, что составляет 20 % всех студентов вузов. Предпочтение русского языка как средства получения образования можно объяснить двумя причинами:

- 1) среди русских, а также представителей других национальностей, для которых русский язык ближе, чем узбекский, больше образованных людей, которые ориентируют детей на получение высшего образования, в отличие от представителей коренной нации, где преобладают другие жизненные приоритеты;
- 2) русский язык пока остаётся единственным, позволяющим получать качественное образование в ряде дисциплин (прежде всего технических), в которых пока не созданы условия для обучения на узбекском (несмотря на значительные усилия, прикладываемые в этом направлении);

Доминирующим русский язык является также в средствах массовой информации, и эта тенденция проявляется в первую очередь на телеэкране. Телеканалы, несомненно, стремятся повышать долю программ на узбекском языке. Но недостаток средств, а также отсутствие квалифицированных переводчиков с мировых языков на узбекский, заставляет телеканалы адаптировать зарубежные программы на русский язык. Узбекский язык используется только в программах местного производства. Новости транслируются на обоих языках. Более того, в системе кабельного телевидения в больших городах можно принимать около десяти российских телеканалов, которые пользуются спросом благодаря более широкому выбору жанров и значительно меньшим ограничениям со стороны государства.

В сфере книгопроизводства, где влияние государства более ощутимо, русскому языку пришлось сдать свои позиции: из 1089 наименований, анонсированных в 2001 г., на русском было издано лишь 190. Такое же количественное неравновесие можно наблюдать и у периодических печатных изданий, где из 557

наименований газет только 66 выходят на русском языке, а среди 165 журналов лишь 44 русскоязычных. Следует ещё раз подчеркнуть, что печатная продукция находится под полным контролем государства. Известны даже случаи запрета изданий, напр. в начале 1996 г. власти запретили «Журнал культуры», который начал издавать Русский культурный центр Узбекистана на средства бюджета России, что было оценено как акт идеологического вмешательства со стороны другого государства. Настойчиво просматривается политический заказ властей внедрять узбекский язык во все сферы жизни и не допускать никаких языково-культурных автономий.

По нашему прогнозу, судьба русского языка в государствах Средней Азии (на примере рассмотренного Узбекистана) будет в ближайшем будущем такова:

- языковая политика независимых постсоветских государств вместе с ожидаемым естественным развитием демографических показателей приведёт к постепенному внедрению национальных языков во все сферы жизни;
- несмотря на повсеместное усиление позиций английского языка, русский язык в Средней Азии будет оставаться для большинства населения единственным мировым языком, доступным для широкого межнационального общения. Здесь нужно оговориться, что хотя среднеазиатские языки по своим историческим корням близки друг другу, но мимо рамок группы тюркских языков собеседникам придётся общаться на другом языке, и именно здесь русский язык будет востребован. Большинство международных контактов и встреч ещё долго будут нуждаться в употреблении русского языка, чему невольно будут способствовать и невысокий уровень образования населения, и недостаток педагогов английского языка. На русском будут проводиться международные переговоры, русский будет деловым языком торговли, причём не только в рамках СНГ. Русский останется также языком-посредником для восприятия народами Средней Азии событий мировой культуры и науки.

Не исключено, что судьба русского языка в Средней Азии может быть подобна роли английского языка в Индии после получения ею независимости. В частности, будет небезынтересно наблюдать, возникнет ли по аналогии с географическими вариантами английского (британский, американский, индийский, австралийский) какой-нибудь среднеазиатский вариант русского языка. Например, русский язык в Узбекистане уже претерпел немало заимствований из узбекского тех слов, которые определяют типичные среднеазиатские реалии, и для которых адекватного названия в русском нет. Существует уже целый пласт специфичных терминов-узбекизмов, которые заменили русскую лексику. В русскоязычной прессе Узбекистана, также как и в среде русскоговорящих в Ташкенте, полностью прижились узбекизмы из тех сфер, где доминанта узбекского языка почти стопроцентная – это касается областей государственного управления и муниципальной сферы. Русскоговорящий европеец без знания местных реалий вряд ли поймёт такие выражения, как *Олий Мажлис* (Верховный совет, парламент), *хоким* (мэр), *хокимият* (мэрия), *махалля* (квартал города), *вилоят* (область), праздник *Мустақиллик* (праздник Независимости), *ахворот* (новости).

Время покажет, будет ли усиление позиций узбекского языка в других сферах жизни нарастать. И будет ли в результате такого процесса формироваться значительный словарь заимствованных выражений в рамках русского языка, как мы это знаем напр. из британского и американского вариантов английского языка.

Литература:

Конституция Республики Узбекистан

Закон «О государственном языке Республики Узбекистан»

ЗИНИН С. И.– Узбекистан на пути межнационального согласия. Русский культурный центр Узбекистана, стр. 119–132, Ташкент, 1996

ПОДПОРЕНКО Ю.: Бесправен, но востребован. Русский язык в Узбекистане, Дружба народов, № 12, стр. 176–185, Москва, 2001

ПОДПОРЕНКО Ю.: Русский язык как фактор общественного развития. Материалы научной конференции «Русский язык в Узбекистане – современное состояние и перспективы», стр. 18–20, Ташкент 2002

данные Министерства иностранных дел, Министерства макроэкономики и статистики, Министерства образования Республики Узбекистан
газеты «Народное слово», «Вечерний Ташкент»

Tomáš Jádlovský